

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия **ИНФОРМАЦИОННЫЙ**
ВЫПУСК № 109 (1590)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлено интервью П. Скоробогатова с А. Пожаловым «Ориентир - 2021», опубликованное в журнале «Эксперт», № 41, 8-14 октября 2018 года.

Вологда
октябрь 2018

Ориентир - 2021

Бенефициарами протестных голосований осени стали КПРФ и ЛДПР, а ведь их уже успели похоронить. Крымская консолидация завершена. Парламент через два года может стать более диверсифицированным.

В след за интригующими выборами сентября последовала череда губернаторских отставок, запланированных и реакционных. В Кремле учтут кадровые ошибки и в следующем году не сдадут регионы оппозиции без боя. А вот вопрос о переменах в партийном поле остается подвешенным. «Единая Россия» обречена поддерживать непопулярную политику правительства и продолжает терять поддержку населения. Партии парламентской оппозиции испытывают кадровый голод и проблемы с мотивацией. Уже в 2021 году нас ждут выборы в Государственную думу, которые определяют один из элитных контуров для транзитного периода президентской власти. О том, как меняется политическая система на этом пути, мы поговорили с директором по исследованиям фонда ИСЭПИ Александром Пожаловым.

– Выборы для «Единой России» и Кремля были непростыми. Но в целом на фоне острой пенсионной реформы практически во всех кампаниях одержана победа. Как вы в итоге оцениваете результаты единого дня голосования (ЕДГ)? Говорят, начинаются системные проблемы...

– Для меня более показательными были не губернаторские выборы, а партийные кампании, ведь сейчас приоритетный политический проект для системы – подготовка к выборам в Госдуму 2021 года, на которых главные игроки – партии. Результаты здесь тревожные для власти, ситуация напомнила 2011 год с активным протестным голосованием в регионах на выборах в Госдуму. Сегодня результаты «Единой России» по заксобраниям во многих регионах либо достигли уровня 2011 года, либо опустились ниже. Сразу в нескольких регионах партия набрала меньше 30 процентов. К тому же с 2007 года у нас не было ситуаций, когда партия по спискам проигрывала выборы в заксобрание, а сейчас «Единая Россия» уступила сразу в трех регионах.

– Партийные кампании лучший индикатор, потому что нет личностного фактора?

– У нас губернаторские кампании непартийные, личностные, и в большинстве случаев в последние

годы они проходят как голосование за кандидатуру, предварительно выбранную президентом. Другое дело кампании в заксобрания. Их конфигурация сложилась необычная: есть «Единая Россия», которая в неблагоприятных для себя федеральных условиях, на фоне крайне непопулярной пенсионной реформы по-прежнему отрабатывает локальную повестку, традиционную для партии на региональных выборах: благоустройство, будущие школы, детсады, дороги, то есть вопросы развития инфраструктуры на местах. Тогда как ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия» всю отработывали федеральный негатив: разочарование населения первыми действиями нового правительства, повышение НДС и прогнозы роста цен, резкое удорожание бензина. И конечно, наиболее громкое разочарование – внезапное повышение пенсионного возраста, которое было считано не как забота власти о росте пенсий, а как нарушение многолетнего неписаного общественного договора. Плюс крайне неудачная даже не разъяснительная, а чисто рекламная кампания по пенсионному закону на первом этапе. Получилось, что федеральная повестка перевесила на этих выборах локальную, и по своему содержанию региональные выборы оказались близки к будущей кампании в Госдуму.

На выборах же в Госдуму в 2016 году, которые впервые проходили в разгар экономического кризиса и начинались бойкой протестной кампанией КПРФ и СР за отставку правительства, наоборот, при помощи одномандатных округов и праймериз «Единой России» удалось переключить внимание с федеральной повестки на дворовую, местную проблематику в округах, где кандидаты власти были намного убедительнее. Благодаря чему «Единая Россия» и получила такое масштабное превосходство в Госдуме.

– Это же ненормальная ситуация для региональных выборов?

Обычно считается, что на региональных выборах важно разговаривать о ситуации на местах. Но обсуждение федеральной пенсионной реформы и повлекло за собой ряд вопросов о качестве жизни

«на земле»: что у нас с доступностью здравоохранения после его оптимизации, условиями и рынком легального труда, социальными льготами, реальными доходами домохозяйств в провинции, где пусть и невысокая, зато гарантированная пенсия старшего поколения служит важным источником наличных средств и льгот (не случайно банки говорят о росте числа кредитов, которые берут пенсионеры). В рекламной кампании по пенсионному закону в первый месяц этих насущных для общества вопросов будто и не было. С этой точки зрения понятно, почему недовольство в регионах перевесило повестку конструктивных изменений для региональной инфраструктуры, которую по традиции предлагала «Единая Россия».

Кроме того, пенсионный протест деморализовал многих кандидатов «Единой России». В одномандатных округах многие из них старались избегать ассоциации с партией, особенно в конкурентных регионах, некоторые даже обещали бороться против повышения пенсионного возраста. Губернаторы тоже дистанцировались от увязки с ЕР. Александр Усс в Краснодарском крае использовал отсылки к избирательному блоку «Наши» начала 2000-х годов. В наружной агитации Андрея Воробьева в Московской области следов «Единой России» не замечено. Для них это технологически было правильно. И федеральный центр разрешил идущим на выборы губернаторам дистанцироваться от пенсионной реформы.

Но вот тот же Андрей Тарасенко в Приморье по своей инициативе горячо высказался в поддержку повышения пенсионного возраста и получил плохой результат. Виктор Томенко в Алтайском крае тоже начинал кампанию с разъяснения плюсов от повышения пенсионного возраста и недалеко ушел от второго тура, 53 процента, при том что коммунистов там не было. А если бы КПРФ выдвинула своего кандидата (именно молодой лидер алтайских коммунистов Мария Прусакова зарегистрировала партийную группу КПРФ по пенсионному референдуму), там бы дело тоже ушло во второй тур.

– Откуда возник этот просчет? Губернаторы, наверное, из верноподданнических чувств публично поддержали реформу. Но почему, понимая, что федеральная повестка будет «топить» кандидатов от власти, в Кремле возродили, скажем, лозунг ««Единая Россия» – партия прези-

дента»? В итоге все увидели, насколько упал политический ресурс Путина.

Он не упал, просто в эту кампанию он автоматически не конвертировался в дополнительные голоса за губернаторов или партию. А после триумфальной победы в марте рейтинг Путина не требовал (и не мог требовать, в сознании людей) повторного подтверждения на нижестоящих выборах. Люди показали, что четко различают президента, вопросы, которые он решает, и ответственность губернаторов и правящей партии на выборах регионального уровня. Это хорошо для системы.

Конец крымского консенсуса

– При этом нельзя разнести политический ресурс «Единой России» и правительства, решения которого партия поддерживает всецело. Судя по экономическому курсу и предложенным реформам, ЕР предстоит и дальше платить по счетам кабинета.

– «Единая Россия» отвечает за решения правительства в социально-экономической сфере. «ЕР» в предыдущие годы воспринималась во многом как партия консервативная, опора и поддержка для патерналистов, тех, кому нужна особая защита. Известна социологическая особенность, что в России в разгар кризисов уровень поддержки власти высок, так как именно на государство рассчитывают те, кому нужна помощь в кризис. Но сейчас уже сама «Единая Россия» начинает восприниматься как партия непопулярных экономических преобразований. Поскольку в парламенте других праволиберальных сил нет, объективно в нишу партии модернизации смещаются единороссы. У общества же есть запрос на перемены, но с акцентом на социальную справедливость: на прогрессивное налогообложение, самоограничение элит, а это расходится в общественном восприятии с тем, что было предложено правительством и отстаивалось «Единой Россией» этим летом.

– И президентом.

Боюсь, что весенняя избирательная кампания сформировала ореол завышенных ожиданий насчет быстрого внутреннего прорыва. Третий срок Путина был для общества геополитическим, он эффективно отстаивал интересы страны на международной арене, восстановил историческую справедливость с Крымом. Но к выборам все чаще звучал за-

прос на то, чтобы на четвертом сроке Путин так же успешно лично занимался вопросами внутреннего социально-экономического развития. В послании прозвучала программа развития, но оно запомнилось во многом второй, внешнеполитической частью. В итоге в обществе возникли ожидания быстрого социально-экономического рывка, но не понимание, что для него придется чем-то пожертвовать и всем перестроиться. На мой взгляд, было ошибкой упустить уникальную возможность еще в ходе президентской избирательной кампании начать готовить людей к тому, что в пенсионной системе неизбежны серьезные проблемы в силу демографических причин, что надо искать варианты их решения и что обеспечить долгосрочную стабильность пенсионной системы для будущих поколений – это одна из приоритетных задач четвертого срока Путина.

– И пожертвовать рейтингом?

– Все равно пришлось самому Путину оправдать реформу и брать на себя миссию по разъяснению ее необходимости. Однако это пришлось делать тогда, когда рейтинги власти уже сильно просели, а лоялисты усомнились в честности власти. А если бы еще в рамках президентской кампании людей начали готовить к новому вызову для страны, то серьезного влияния на результат президентской кампании это бы не оказало, а веру в искренность намерений власти только укрепило бы. Летние протесты и острое эмоциональное неприятие любых аргументов правительства были во многом связаны с надеждой, что через протесты можно серьезно скорректировать реформу, добиться ее отмены, потому что президент своего слова еще не сказал.

– В итоге пенсионная реформа ударила и по рейтингу Путина.

Для оценки сейчас важен не электоральный рейтинг президента. Его только что выбрали, в марте, для населения вопрос, за кого голосовать в ближайшее воскресенье, – это абстракция. Для оценки позиций Путина важен функциональный рейтинг – одобрение его работы в должности президента. Это единственный показатель по институтам власти, который после пенсионной реформы остался выше «докрымского» уровня 2013 года, больше 60 процентов. И он сейчас намного выше уровня одобрения работы правительства, «Единой России».

На расхождение рейтингов президента и прочих институтов власти сработал пенсионный проект. Также среди тех, кто поддерживал Путина, было немало противников переназначения Медведева главой правительства. Это и в фокус-группах проявлялось: непонимание того, что обещан прорыв, серьезные внутренние изменения, общество реально сплотилось вокруг президента и этой повестки, а руководство правительства мало изменилось, оно ассоциируется с продолжением прежней политики, статус-кво (понятно, что некоторые министры поменялись, вице-премьеры, но люди их мало знают).

– То есть практически был уничтожен ресурс «крымской консолидации», который распространялся на всех людей вокруг президента?

– Сама по себе крымская консолидация в последний раз сработала на выборах в Госдуму в 2016 году, проходивших на пике самоощущения населением экономического кризиса. К тому же тогда правительство поссорилось с пенсионерами, перестав индексировать пенсии работающим пенсионерам, что считывалось пожилыми людьми, как «власть на нас экономит». Для финансистов есть четкая и логичная разница между работающими и безработными пенсионерами, а для самих пенсионеров это искусственное разделение. Из социологии тогда было видно, что начался отток возрастного избирателя от «Единой России» к другим партиям. Для самих людей это было не страшно, не было «изменой», поскольку все партии после Крыма были объединены в повестке президента, они все выступали за Путина. Считалось так: вот мы недовольны действиями правительства, но верим Путину, – тогда не проблема проголосовать за ЛДПР. КПРФ – это все-таки более последовательная оппозиция, ЛДПР же не менее пропрезидентская партия, чем «Единая Россия», а Жириновский еще когда всех предупреждал, что Западу не нужна сильная Россия, за него не стыдно проголосовать, если ты недоволен правительством. Поэтому ЛДПР практически сравнялась с КПРФ на выборах в Госдуму.

Но уже на выборах в марте 2018-го крымский фактор был символическим, хотя выборы проходили в день воссоединения Крыма с Россией. К 2018 году Крым – уже неотъемлемая часть России, нигде и никем это не оспаривается, даже прозападная оппозиция перестала эту тему поднимать, Крым далеко за скобками всех западных санкций. Крымская консолидация на президентских выборах помогла

скорее в том, что ни одна системная партия не пыталась всерьез оспорить национальное лидерство Путина и приоритеты нашей внешней политики.

Губернаторские перспективы

– Раз крымского консенсуса больше нет и для оппозиции, какие выгоды она сможет извлечь из перспектив, которые обнажил ЕДГ-2018? Готовы ли оппозиционные партии брать на себя ответственность, искать и готовить кадры, воевать с Кремлем?

– На губернаторских выборах для контрэлит и избирателей на местах стало ясно, что есть реальная возможность перевернуть федеральный сценарий, поддержав кандидата от парламентской партии и добившись от центра внеплановой смены губернатора. Это новое окно возможностей для оппозиции на будущее.

Другая задача для оппозиции – искать в своих рядах или привлекать со стороны кандидатов, подготовленных к управленческим постам, понятных центру и федеральным корпорациям как гипотетические губернаторы, а не технических соперников действующим главам.

И третье: с учетом надолго, как я считаю, изменившихся общественных настроений парламентской оппозиции пора снова рассматривать выборы губернаторов как возможность реально бороться за власть, потому что в последние годы был консенсус, что оппозиция не претендует всерьез на губернаторские кресла. Собственно, действия КПРФ в этом году очень показательны, ведь на старте партия уклонилась от реальной борьбы везде, где это казалось опасным для власти.

Понятно, что сейчас федеральная власть будет всячески страховать от повторения таких сценариев. Не случайно начались замены губернаторов, которые находятся в должности много лет и ассоциируются со стабильностью и надоевшим статус-кво, а не с повесткой быстрого развития.

– Интересно, что при этом кандидаты-губернаторы от власти стараются сейчас дистанцироваться от «Единой России».

– Власть вполне может пойти на то, чтобы все больше новых врио избирались самовыдвижением, если они не связаны с партией, не занимались раньше публичной политикой. В две предыдущие кадровые волны в регионы пришло много технокра-

тов – федеральных менеджеров. Их первоочередные задачи – обеспечить привлечение инвестиций, навести порядок в бюджетно-налоговой системе, в том числе оторвать группы местных интересов от необоснованных бюджетных преференций, сопроводить проекты федеральных корпораций в регионе. Для этого отнюдь не требуется быть публичными политиками. В более стабильных условиях осени 2017 года это казалось нормальным.

Но сейчас настроения сильно поменялись, на ближайший год сохранится эхо пенсионной реформы, будут расти цены, снова придется обсуждать решения, влияющие на платежи граждан за ЖКХ. В таких условиях губернаторы должны уметь еще и заниматься публичной политикой. Если есть разрыв между ожиданиями, которые возникли в обществе в период президентской кампании, и теми шагами, которые россияне пока видят от федерального правительства, значит, на местах должны быть люди, которые могут нивелировать этот разрыв восприятия, на своем уровне продемонстрировать эффективную работу с людьми и возможность быстрых изменений. Этим важны губернаторские выборы для власти.

И таким новым губернаторам логично идти самовыдвижением. С одной стороны, это некая отстройка от «Единой России», от ее выросшего антирейтинга. С другой стороны, важнее показать, что выборы губернатора – это не разделение сторонников тех или иных партий, а консолидирующая повестка. Зачем затаскивать под партийный флаг губернатора из когорты федеральных менеджеров или силовиков, который никогда не занимался и вряд ли планирует заниматься партийной работой? Есть аргумент «против» – ситуативно это ослабляет «Единую Россию» в глазах элит, но ведь это и вывод «Единой России» в более конкурентное поле, столь необходимый для правящей партии. Не побеждать на выборах в заксобранье в регионе за счет популярного нового губернатора, а заниматься политической работой, меньше рассчитывая на административный ресурс. Возможно, таким образом партию готовят к конкурентным выборам в Госдуму.

– Почему они так важны в 2021 году?

– Многими они расцениваются как рубежные, потому что при Госдуме следующего созыва закончится последний по Конституции президентский срок Владимира Путина и будет выстраиваться новая конфигурация власти. Либо это сценарий «пре-

емник-2», либо конституционная реформа с расширением полномочий других институтов, о которой уже начали рассуждать эксперты. В любом случае Госдума следующего созыва объективно будет играть значимую роль в процессе трансформации системы власти после окончания срока полномочий Путина.

Нельзя забывать и о том, что выборы половины депутатов по одномандатным округам – это, гипотетически, шанс для местных элит усилить звучание бюджетных интересов регионов на федеральном уровне, особенно когда в нескольких регионах сейчас были неожиданно сломаны федеральные сценарии избрания губернаторов. В этом тоже значение выборов в Госдуму и, может быть, даже угроза для центральной власти.

Будущее партийной системы

– Будут ли рисковать в Кремле и затевать слияние партий либо стимулировать создание нового политического движения, способного пройти в Думу? Есть ли необходимость в перезагрузке партийного института?

– Голосование в этом году показало, что старые бренды парламентской оппозиции по-прежнему сильны, они эффективны как стабилизаторы политической системы и социального протеста и избиратель в первую очередь смотрит на них. КПРФ не только зафиксировала статус главной оппозиционной партии, но и удачно вернулась в уличное протестное движение. ЛДПР прибавила на региональных выборах так же сильно, как и КПРФ. Хотя еще полгода назад некоторые поспешили политически похоронить Жириновского, после того как тот не очень удачно выступил на президентских выборах.

– К слову, о протестах. Какими-то они были слабыми и негромкими. Гораздо сильнее протест выразился на выборах.

– Вообще-то нынешние митинги во многих регионах по численности и повторяемости превосходили протесты 10 декабря 2011 года, прокатившиеся тогда по всей стране. Да, в Москве картинка другая, но Москва в принципе спокойнее восприняла повышение пенсионного возраста, здесь другие демография, рынок труда, плюс есть целый пакет дополнительных смягчающих мер, который предложен Собяниным. В регионах не так. Сибирь и Дальний Восток, Урал – наиболее крупные и регулярные акции против пенсионной реформы. А в Кемеров-

ской области официальные, лояльные профсоюзы вывели полторы тысячи человек.

Очень хорошо для политической системы, что протест не остался на улице, а пришел на выборы, – это значит, что институт выборов выполняет функцию обратной связи общества с властью. И сами итоги выборов должны только укрепить людей во мнении, что можно менять местную власть через голосование, а не на улицах. И для молодежи, которую на улицы и под административные дела заманивает Навальный, выборы – это хорошая альтернатива. Мы видели, как во вторых турах губернаторских выборов заметно выросла явка, хотя штабы губернаторов ее пытались «сушить». Практически весь прирост явки в этих трех регионах шел в копилку кандидатов от оппозиции, то есть пошли те, кто изначально в выборы не верил.

– Получается, что весь протест канализировали две оппозиционные партии.

– Да, а ведь сколько было разговоров, что партии эти слишком системные, якобы они слились с «Единой Россией» и уже неинтересны. Но сегодня КПРФ и ЛДПР устойчиво воспринимаются как две наиболее серьезные оппозиционные силы. СР постепенно оттесняется на периферию, сильного прироста голосов в сравнении с 2013 годом у них не было, хотя в заксобраныи везде, кроме Ульяновской области, эсеры прошли.

Другое дело, что в политике очевиден запрос на новые лица, но он вполне может быть реализован на базе имеющихся крупных системных партий. После успешных для КПРФ и ЛДПР выборов 2018 года новым политикам проще будет заходить на выборы через эти партии, а не с малоизвестных избирателю платформ. Общество инертно в политике, небольшой всплеск интереса к малым партиям пройден несколько лет назад, и я боюсь, что за два года трудно раскрутить новую партию на левом фланге с нуля для прохождения в Госдуму – да и зачем?

– Но сейчас в целом сработала протестная повестка. А так у людей есть усталость от привычного партийного расклада. Плюс, видимо, придется спасать «Единую Россию».

– Можно обсудить возвращение избирательных блоков. Тогда «Единая Россия» пойдет не сама по себе, а в составе общего блока. Например, есть президентское движение «Общероссийский народный

фронт», которое при необходимости может стать таким зонтиком.

Многое зависит от того, какая вообще будет желательная для власти конфигурация выборов в Госдуму в 2021 году. Будет ли система работать на сохранение конституционного большинства и законотворческой монополии «Единой России» в Госдуме или, наоборот, потребуются сделать российский парламент более диверсифицированным по партийному и идеологическому представительству.

– То есть новым игрокам на политическом поле выгоднее обратить внимание на привычные бренды, а не создавать новые движения?

– Сейчас говорится о том, что нужно развивать новые партии, я так понимаю, что это реакция на неожиданные успехи КПРФ и ЛДПР, чтобы их ослабить, иного смысла я не вижу. Малые партии будут использоваться для размывания голосов, те же альтернативные коммунистические бренды, но пока большинство из них не в состоянии предложить никакой содержательной альтернативы, а зарабатывают «продажей» франшиз в регионы. У них результаты чуть подросли по заксобраниям. Но все равно основной переток голосов идет в пользу КПРФ и ЛДПР, однако брызги недовольства попадают еще и в рядом находящиеся маленькие сосуды «Коммунистов России», КПСС и партий пенсионеров.

Вопрос есть по СР, потому что часть фракции объективно тяготеет к формату работы в «Народном фронте»: мы за Путина, с иными профессиональными подходами к социальной политике, но мы не находимся в такой радикальной оппозиции, как КПРФ, и не такие популисты, как ЛДПР. С другой стороны, у СР есть в хорошем смысле слова политики-популисты левого толка, тот же Олег Шеин, которому невозможно быть в одном блоке с «Единой Россией» или под шапкой ОНФ.

В целом же у нас столпотворение игроков на левом поле. Чем больше активных партий действует на левом поле, продвигая перераспределительную, патерналистскую повестку, тем больше в период агитационной кампании происходит смещение электората влево. Нужно ли сюда добавлять еще одну левую или популистскую силу?

– Возможно, стоит предположить процессы слияния и поглощения в партийном спектре?

– Самое время вообще проанализировать, к чему привела партийная реформа 2012 года. Ведь эти

сто цветов, которые выросли, когда на порядок снизили пороги для регистрации партий, в большинстве своем даже не зацвели. Со следующего года должны начаться, по закону, массовые процессы ликвидации партий, которые не выполнили за семь лет географический норматив – участие в выборах в разных регионах или муниципалитетах. Сейчас и потенциальным спонсорам в регионах нет никакого интереса вкладываться даже в «Родину» или в «Патриотов России», когда с точки зрения конечного результата гораздо эффективнее завести своих людей в списки кандидатов ЛДПР, КПРФ или даже СР.

Но когда мы говорим о слиянии партий, есть объективная проблема, как его проводить. Закон всячески этому препятствует. Одна партия должна самораспуститься в пользу другой, влиться в более успешную. Даже если две крупные партии договорятся на паритетной основе, поделят регионы, руководящие органы, то на ближайших выборах им все равно придется делать выбор в пользу одного списка, который в случае успеха и получит госфинансирование, право выдвигаться без сбора подписей и так далее. Ведь у нас нет механизма избирательных блоков.

Кроме того, объединительные процессы легче проводить уже после того, как выборная кампания прошла: партии посотрудничали на выборах, вместе добились успеха, создали общую платформу в избранном органе, выдержали попытки власти переманить их депутатов на свою сторону, и стало понятно, что дальше можно двигаться вместе или, наоборот, надо разойтись. Поэтому настало время посмотреть на избирательные блоки и как на механизм, который поможет структурировать наше разношерстное партийное поле.

– Какие факторы нужно учитывать в ходе ближайшего избирательного цикла?

– Важный вопрос – насколько долгим окажется негатив среди патерналистов, путинского большинства, по отношению к пенсионной реформе и попыткам власти в целом изменить прежний социальный контракт. Было понятно, что протестная активность по пенсиям пойдет на спад после обращения Путина: часть людей услышали его аргументы или увидели послабления для себя, часть не согласилась, часть смирилась, но все в итоге поняли, что повышение пенсионного возраста неизбежно и протестовать бессмысленно. Но демонстрация нако-

пившегося недовольства еще долго может проявляться на голосованиях.

Другой фактор – нарастающее противоречие между неоднозначным восприятием избирателями крупных инфраструктурных проектов государства и их значением для долгосрочного роста экономики. Новые нацпроекты, создаваемый Фонд развития инфраструктуры, объективные потребности коммунальной, транспортной, энергетической систем – все они предполагают акцент на крупные инфраструктурные инвестиции. Избиратель же после нескольких лет стагнации реальных доходов и на фоне ползучего введения в повседневную жизнь все новых соплатежей, на выборах, то есть здесь и сейчас, не всегда чувствует личную выгоду от этих крупных проектов, голосуя вопреки.

Третий момент: с 2020 года окно для модернизационных реформ, вероятно, на пару лет захлопнется, так как элиты начнут готовиться к думским выборам, поэтому 2019 год может стать последним годом модернизационного тренда. Предстоит чувствительный для «гаражной экономики» эксперимент в четырех крупных регионах с налогообложением самозанятых – а в прошлый раз попытка вывести часть «гаражной экономики» в легальное поле привела к активным протестам дальнбойщиков против системы «Платон». Пошли разговоры о том, чтобы летом 2019 года вернуться к попыткам нор-

мирования потребления электроэнергии, но прошлый опыт оказался скорее негативным. Неизбежно развитие «мусорных протестов» в регионах – и из-за новой тарифной политики на вывоз отходов, и из-за массовых фобий против строительства мусоросжигательных и перерабатывающих комплексов, без которых, впрочем, проблему накопившихся отходов не решить. Как видим, тут уже нет места другим давно обсуждаемым социально чувствительным инициативам – массовому введению критерия нуждаемости в систему социальных льгот (пока этот процесс идет на уровне региональных социальных кодексов) или переходу на софинансирование гражданами ОМС и лекарственного страхования.

Другое дело, что в 2019 году календарь выборов в заксобранья объективно более благоприятный для власти, чем был сейчас, основные сложности возникнут скорее на выборах горсоветов в областных центрах и средних городах, которых будет много. Хотя на фоне последних конфликтов с этническим подтекстом в национальных республиках, а также ожиданий активных замен губернаторов теперь даже выборы 2019 года в Татарстане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии – обычных зонах электорального комфорта для «Единой России» – нельзя считать заведомо легкими.

Беседовал Петр Скоробогатый